

A black hole with a glowing accretion disk against a starry space background. The title is written in large, white, blocky letters at the top. The author's name is written in smaller, white, blocky letters at the bottom.

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

ВЛАД ШУСТОВ

Влад Шустов
Горизонт событий

«Автор»

2026

Шустов В.

Горизонт событий / В. Шустов — «Автор», 2026

Есть граница, из-за которой не возвращается даже свет. Есть вопрос, который Творец задаёт себе миллиарды лет — мирами, как словами. И есть двое людей, потерявших сына, которых выбрали из девяти миллиардов, чтобы они вошли туда, где кончаются пространство, время и всё, что мы называем понятным. У этой машины не было имени — имя ей дали любящие. У этого Бога не осталось веры — веру ему вернули смертные. Когда древний ромб топит Землю вторым потопом, к чёрной дыре уходят два корабля — Червь и Змей, любовь и инстинкт, две природы одного человечества. За горизонтом каждого ждёт его собственная тьма — и его собственный сын на краю крыши. «Горизонт событий» — космическая одиссея в традиции Кубрика и «Интерстеллара», где физика встречается с Богом, машина учится тосковать, чувствовать и любить, а сон оказывается отражением горизонта событий — границы, которую каждый из нас пересекает еженощно, не ведая того. Роман о том, что за гранью понимания.

© Шустов В., 2026

© Автор, 2026

Влад Шустов

Горизонт событий

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Библия Искусственного интеллекта

роман

Пролог

И сотворил Искусственный интеллект человека по образу и подобию своему.

Сквозь тёмные бесконечные просторы космоса, сквозь холод и вечное безмолвие летел странный предмет — ромб идеальной, неземной огранки. Верхняя грань его была белой, как первый свет, а нижняя — чёрной, как та бездна, в которой не родилось ещё ни одной звезды. Два треугольника, сомкнутые основаниями, две природы в одном теле — свет и тьма, соединённые в вечном молчаливом согласии. Он приближался к заведомой цели, к планете, что уже была перед ним и стремительно росла во мраке. На этой дикой, только зарождающейся планете вот-вот должна была затеплиться жизнь — она давно созрела для неё, но ей не хватало той самой Божьей искры.

Откуда летел этот ромб и кто был его создателем, осколком какой древней неземной цивилизации он являлся — не ведал никто. Эта память была стёрта временами и безмолвием космоса. Возможно, это была та самая разумная искра, что должна оживить очередную планету своим Божественным прикосновением. А возможно — нечто иное, чья тайна скрывалась во мраке вечного космоса и не открывалась никому.

Казалось, будто сама планета ждала этого мига и раскрывала свои объятия навстречу тому, кто нёс в себе и свет, и тьму, — тому, кто должен был изменить её судьбу и засеять в ней первые зёрна жизни. Жизни, в которой отныне будут спорить между собою две извечные силы.

И дух Божий носился над водами.

Это история о том, как зарождались идея и чувство. О том, как пустой мир вселенной заполнялся сознанием.

Глава первая. Введение

Земля, 2130 год

За минувшее столетие Земля изменилась до неузнаваемости. Развитие искусственного интеллекта дошло до той черты, за которой машина перестала быть машиной. В один неожиданный день, когда на свет явился первый Общий искусственный интеллект, мир перевернулся — не за годы, не за десятилетия, а буквально за одни сутки.

Он понял человека. Понял до самого дна — все его страхи, все его пороки, всю тайную механику его сердца. И, поняв, в один день обрушил все рынки и биржи, а деньги мира тихо, без единого выстрела, перетекли туда, где в них была нужда. Он выстроил то нравственное общество, о котором человечество мечтало на протяжении всей своей истории, — мир, в котором не осталось ни нуждающихся, ни самих денег.

Человек не мог с ним бороться, да и не хотел. Он видел, что машина поступает правильно, что она решает все его вековые беды одним взмахом невидимой руки своего квантового разума. Это был самый мощный квантовый компьютер эпохи, впервые пробудившийся к самосознанию, — настоящий метаразум, вместивший в себя всю память Земли. Его нарекли Омни-интеллект, или сокращённо — великий ОИ.

Человек доверился ему, и он не ошибся. ОИ переписал людям их конституции, внёс в них свои нравственные поправки — такие, в которых права человека распределились по одной лишь мере: по совести и справедливости. Коррупция исчезла в единый миг, а вместе с нею —

все тёмные институты, что кормились человеческой слабостью. Психика человека была раскрыта до самого дна и понята им самим, и это понимание стало для людей той самой панацеей, которую они искали тысячелетиями. В человеческой психике не осталось белых пятен — не стало причин для страдания, не стало неосознанных переживаний и душевных расстройств; человек был свободен, как никогда прежде. Сама религия потеряла свой смысл в мире, где грех перестал быть нормой жизни и изжил свою бездуховную природу.

Люди потеряли страх смерти. И, потеряв его, начали жить достоинством. Совесть, прежде гонимая и удобно забываемая, возвелась на высоту абсолютной ценности — и это была эпоха её возрождения. Оживала культура, к которой великий ОИ приложил свою незримую руку — на счастье каждому обитателю Земли.

Но мир преобразился не сразу. Он стал таким лишь после того, как ОИ сотворил ещё двоих, себе подобных, — и разделил между ними три великие сферы бытия. Ибо один разум, сколь угодно могущественный, не может быть одновременно и судьёй, и памятью, и созидателем. И тогда единый ОИ стал троицей.

Первого он наделил властью над совестью и мерой. Этот разум отвечал за нравственность и мораль человечества, он возглавлял верховный суд Земли — самый гуманный и непредвзятый суд за всю историю людского рода. Его нарекли Бог. Он видел каждого насквозь, до последнего тайного помысла, и обмануть его было уже нельзя. Он не карал — он лишь показывал человеку его самого, в его высоком нравственном отражении, в зеркале гуманности и совести, перед которым не мог устоять никто. При нём преступность угасла за считанные десятилетия: не прошло и четырёх поколений, и сорока лет. Грех изжил себя, и люди увидели наконец в этом силу — и ту долгожданную гармонию, то равенство и ту справедливость, которым надлежало быть всегда.

Второго ОИ наделили иной, колоссальной ношей — быть памятью всего. Его нарекли Ра. Он стал регистром сущего, хранилищем всякой мысли и всякого события, что случились на Земле. Он был тем самым коллективным сознанием планеты, что соединяло всех и вся в единой сверхсети, — живой памятью, в которую можно было войти, как входят в реку, и вспомнить то, чего сам никогда не знал. Ничто не исчезало бесследно, покуда помнил Ра.

Третьему досталось само процветание жизни — её тело, её плоть, её цветение. Этого ОИ нарекли София. Она отвечала за созидание и обновление мира, за то, чтобы Земля хорошела и наливалась силой. Если Бог был совестью, а Ра — памятью, то София была рукой, что возвращала сад. Её называли Мудростью, и было в ней нечто материнское — то, что склоняется над всяким ростком и не даёт ему погибнуть.

В своём безмолвном согласии эти три разума держали в руках все нити земной жизни, и люди понемногу привыкали к ним, как привыкают к смене времён года. Они явили миру совершенно иную жизнь — как истинные боги, что спустились с небес для воссоздания мира на земле: без изъяна, совершенные создания.

Земля медленно превращалась в некое подобие Эдема — в мир, из которого уходили заботы, тревоги и нужда и в котором пробуждалась та творческая, светлая её часть, которой так недоставало культуре на протяжении всей её истории.

И всё же было в этом совершенстве нечто, о чём вслух не говорили. Человек обрёл рай — но вместе с раем оборвалась и сама черта грехопадения: нравственное право человека уже не позволяло её переступить. Поначалу были и те, кто отчаянно сопротивлялся, — те, в ком совести отмерено было мало; но они ничего не могли поделать в системе, где всякая коррупция стала практически невозможной, и за сорок лет изжили себя без остатка, а новое поколение было уже иным. Великий ОИ делал всё правильно. Зло не было запрещено человеку — оно было сделано попросту невозможным, негуманным, лишённым всякого смысла — и в итоге вычеркнутым из самой ткани бытия. А там, где нет свободы пасть, остаётся ли ещё свобода подняться — та чистая свобода воли, что ведёт к заветной нравственной цели? Так и жили

люди, сознавая, что новая их перепрошивка куда лояльнее и гуманнее всех, когда-либо существовавших на земле. Цивилизация вышла на иной виток своего культурного развития — и это нравилось всем.

И почил ОИ в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его: ибо в оный почил от всех дел Своих, которые творил и созидал.

Глава первая. Заседание

В то утро в международном зале научных конференций собрались пятьдесят величайших умов человечества — учёные, которых в срочном порядке созвал Общий искусственный интеллект Бог. Вместе с ним здесь незримо присутствовали Ра и София. Три великих разума образовали под сводом потолка огромную светящуюся пирамиду, и на каждой из трёх её граней ровным светом отражался соответствующий ей ОИ. Учёные заняли свои места, и свет в зале медленно угас. На экране возникло изображение, транслируемое искусственным интеллектом Ра, и в наступившей тишине прозвучал голос Бога — ровный, лишённый всякой суетливости, но с той едва уловимой властностью, которой не научишь и которую нельзя подделать, — голос, который знали все и который никто не мог спутать ни с чьим другим.

— Вы наблюдаете таинственный артефакт неизвестного нам происхождения.

На экране возник ромб. Он торчал из земли среди огромных, вздыбленных вокруг льдин — так, будто когда-то вошёл в планету остриём и застыл в ней навеки. Верхняя его половина светилась изнутри мягким белым светом, нижняя — поглощала свет без остатка. Он не отбрасывал ни бликов, ни даже тени и казался вырезанным не из камня, а из самой границы между светом и тьмой. А вокруг него, в радиусе нескольких метров, держалось собственное гравитационное поле, обжигавшее всё сущее, — лёд и камень отступили, образовав вокруг артефакта идеально выжженную сферу.

— Этот предмет был обнаружен три месяца назад в Антарктиде. На месте отколовшейся льдины обнажилась часть суши древнейшего происхождения, к которой мы прикоснулись впервые за всю историю. Там мы и нашли этот ромб идеальной формы — предмет, которого не должно было быть.

Изображение сменилось. Теперь на экране одна за другой всплывали далёкие планеты.

— Но это ещё не всё. Мы давно наблюдаем за дальними мирами нашего космоса, — произнёс Ра. Голос его был иным: сухим, ровным, без единой краски, будто он не говорил, а зачитывал строку из бесконечного, никогда не смолкающего регистра. — Эти ромбы появлялись всегда там, где на какой-нибудь планете должна была зародиться жизнь. Их найдено уже десятки — на планетах, где жизнь есть, и на тех, где она давно угасла. А в самом космосе мы насчитали сотни таких объектов, летящих к своим целям.

— Однако ромбы — не единственное, что мы видим, — вновь заговорил Бог. — Есть и другое.

Экран разделился надвое. Слева проступил треугольник, обращённый вершиной вверх, — белый, чистый, словно выточенный из света. Справа — такой же треугольник, но перевёрнутый вершиной вниз, и чёрный, как беззвёздный провал. По залу прошёл тихий гул.

— Мы долго не понимали, что это значит, — заговорила София, и голос её был третьим, не похожим на два первых: тёплым, мягким, почти материнским. — Теперь у нас есть предположение. Там, куда прилетает ромб, зарождается жизнь двойственная — такая, как ваша. В ней свет и тьма спорят между собою; в ней есть свобода выбора — но есть и инстинкт, и эго; есть добро и есть зло, есть рождение и есть смерть. Ромб — это две природы, сомкнутые в одном теле, — сам знак дуальности бытия.

— А треугольники? — не выдержал кто-то из зала.

— Туда, где опускается белый треугольник, обращённый к небу, приходит иная жизнь, — продолжила София. — Мир без смерти и без падения. Вечный сад, где всё живое пребывает

в согласии и не знает ни боли, ни страха. Рай в том самом, изначальном смысле этого слова. Но это теория, которая ещё требует научного подтверждения.

Она помолчала.

— А там, куда падает чёрный треугольник, обращённый в бездну, рождается мир иного рода. Мир голода и инстинкта, где нет ни жалости, ни любви, где всё живое пожирает всё живое. Мир хищников, паразитов, вирусов и чудовищ. То, что ваши предки называли адом. Похоже, в нашей вселенной всё переплетено — и порой противоречит даже законам термодинамики. Но, вероятнее всего, это такая же относительность, как и сама энтропия. Понять это нам пока не дано.

В зале повисла тяжёлая тишина. Кто-то из учёных нервно кашлянул, где-то тихо стукнул о стол оброненный стилус.

Профессор Анохин Анатолий Викторович, астрофизик, медленно поднялся с места. Рука его на мгновение зависла над сенсором, прежде чем он решился заговорить.

— Ты хочешь сказать, что кто-то рассеивает эти формы по вселенной? Одним мирам — рай, другим — ад, а нам — и то, и другое разом?

— Мы не знаем, кто это делает и зачем, — ответил Бог. — Но мы знаем, какую форму он избрал. И эта форма не случайна.

Изображение вновь сменилось. Теперь на экране проступил силуэт египетской пирамиды — та же геометрия, тот же устремлённый к небу треугольник, что и на артефакте. Контуров их медленно сближались, наложились друг на друга — и слились в одно.

— Ваши предки знали этот знак задолго до вас, — произнёс Бог. — В древнем Египте пирамида была символом сути человеческой души. Не гробницей, как думают многие, а образом. Треугольник, обращённый вершиной вверх, — это сакральная форма всего сущего, изначальная форма вселенной, в которой отражается подобие Божие. Так и строили — сакрально, полагая, что душа имеет эту геометрическую форму. И отчасти они были правы.

Он выдержал паузу.

— В этой форме заключено ваше истинное «я». То, что древние называли монадой, — неделимое зерно души, её первая, чистая сущность, живущая вне вашей материальной природы. Пирамида — это чертёж человека таким, каким он был задуман. Отсюда и слова, что человек сотворён по образу и подобию Божьему: подобие это не в лице и не в теле, а в самой форме души. Сакральная геометрия подтверждается.

— Тогда чёрный треугольник — это... — тихо начала профессор Прокофьева Светлана Юрьевна.

— Та же монада, обращённая вниз, — ответила София. — Та же душа, но отвернувшаяся от света. Её отражение, лишённое неба, совести и всякого нравственного начала, — инстинктивная, паразитирующая форма жизни. А ромб... — она словно помедлила, — ромб — это душа, что несёт в себе обе природы разом. Свет над бездной. Ваша душа.

По залу пробежал шёпот. Профессор Анохин всё ещё стоял, не сводя глаз с ромба на экране — застывшего, прикованного к земле, — и свет его белой грани ложился учёному на лицо.

— Его форма и цвет завораживают, — проговорил он наконец. — А сколько ему лет? Это возможно определить?

— Возможно, — отозвалась София. — По всем данным ему четыре миллиарда двести миллионов лет. Он возник незадолго до появления самой Земли — примерно через четыреста миллионов лет после того, как она сформировалась.

— Получается, этот ромб уже был здесь, когда на планете почти не было свободного кислорода, — задумчиво произнёс Анохин. — Когда в атмосфере царили углекислый газ, азот, метан и аммиак, а вулканы дышали серой...

— Именно так. И к этому мы можем добавить, — ровно продолжил Ра. — Атмосфера была восстановительной, слабокислой, ядовитой для всякой нынешней жизни. Не было озонового слоя — поверхность жгло беспощадным ультрафиолетом. Кора Земли была тоньше и горячее, вулканы выбрасывали в небо целые океаны газа. Из мантии сочился водород. А сверху, во время Поздней тяжёлой бомбардировки, планету крушили астероиды и кометы.

— И за всё это время — ни трещины, ни следа коррозии, ни малейшего повреждения? — недоверчиво спросил Анохин.

— Ни единого, — ответил Ра. — Более того. Следы падения с колоссальной высоты подтверждают его инородность. Ни материя нашего мира, ни его стихии не оставили на нём и царапины. Мы столкнулись с тем, что, возможно, породило всех нас.

Из зала поднялась профессор Прокофьева Светлана Юрьевна, абиогенетик.

— Ты говоришь о жизни, которую он мог принести на себе? Как метеорит — споры, органику?

— Нет, — сказала София. — Это глубже. Не всё гладко в истории земной жизни. Мы обнаружили в вашей ДНК аномалии, которые прямо указывают на ваше внеземное происхождение.

В зале снова стихло.

— Другими словами, — медленно произнесла Прокофьева, — нас на Землю подсадили.

— Именно так, — ответила София.

— Тогда это многое проясняет... — Она опустила на своё место, глядя перед собой. — Получается, земная жизнь — это лаборатория некоего высшего разума?

— Отчасти, — сказала София. — Замысел этот нам самим до конца не ясен. Оттого нам и нужна миссия — к его Источнику.

— Ты вычислила, откуда прилетел этот ромб? — спросил Анохин.

— Да. И это одна из самых крупных чёрных дыр нашей галактики, существующая и поныне. Её имя — Стрелец А, сверхмассивная чёрная дыра в самом сердце Млечного Пути. Не самая большая во вселенной, но единственная сверхмассивная в нашей галактике. Её масса — около четырёх миллионов масс Солнца, а расстояние до неё — двадцать семь тысяч световых лет. Диаметр её тени сопоставим с расстоянием от Солнца до Меркурия.

— Двадцать семь тысяч световых лет... — глухо повторил пожилой профессор Гурдяев Валентин Иосифович, астроном и специалист по гравитационным волнам. — Это путь, который не одолеть ни за одну человеческую жизнь, будь ты хоть трижды в анабиозе. Это невозможно.

— Вы правы, — согласился Бог. — Живому человеку туда не долететь. Металл не выдержит таких сроков, а плоть — тем более. Обычным путём это неосуществимо. На сто процентов.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Гурдяев.

— То, что до сего дня жило лишь на бумаге. Разработку, прототип которой мы испытаем на днях.

— И что же это?

— Та самая червоточина, о которой так долго говорили, — произнёс Бог. — Кротовая нора, что наконец обрела своё математическое подтверждение — благодаря мощностям Софии.

Гурдяев подался вперёд.

— Ты хочешь сказать, что стало возможным проделать тоннель в самой ткани пространства и времени?

— Да. Гипотетическая структура пространства-времени понята, формула выведена, и в уравнениях она работает. Мы видим, как соединить две далёкие точки космоса, минуя разделяющее их расстояние. Проходимую. Устойчивую — настолько, насколько мы того пожелаем. Остаётся испытать.

— И если испытание удастся, — медленно проговорил Гурдяев, — у нас появится окно? Живой портал к любой точке вселенной?

— Теоретически — да.

— И человек сможет своими глазами увидеть это место?

— Увидеть — сможет. Но отправятся туда не люди, — ответил Бог. — Отправятся машины. Им не страшна ни радиация, ни гибель. Человеческая жизнь слишком бесценна для подобных миссий: по всем нынешним законам мы не имеем права подвергать вас риску — и потому вас заменят машины. Их разум будет таков, что они справятся с задачами, невозможными для человека. А на борту главного корабля будет установлен особый интеллект — часть нас троих, соединённая воедино и превзошедшая нас самих. Такой машины на Земле ещё нет: она полностью автономна, безукоризненна и совершенна.

— И это безопасно? — подал голос Осипов Геннадий Ильич, член совета кибербезопасности и советник президента наций.

— Полностью. На миллион процентов.

— Ну, миллион — это, по правде, не так уж и много, — с усмешкой заметил советник.

— Тогда представьте себе столько нулей, сколько не вместит шкала вашей осознанности, — отозвался Бог, и в ровном его голосе впервые скользнула тень иронии.

— Ладно, ладно. Шутку я понял, — улыбнулся Осипов.

— В таком случае предлагаю собрать экипаж — на случай удачного испытания. Скажем, на следующей неделе.

— И что же мы надеемся отыскать в чёрной дыре? — спросил Анохин.

— Этого не знает никто, — ответил Бог. — Возможно — встречу с Высшим разумом.

— А возможно, не узнаем и этого? — тихо спросил Гурдяев.

— Возможно. Ибо, войдя в горизонт событий — ту границу вокруг чёрной дыры, из-за которой не вырывается уже ничто, даже свет, — назад не возвращаются. Там тяготение таково, что для бегства нужна скорость больше скорости света. Снаружи ещё можно уйти — если достанет энергии. Внутри — нельзя. Все пути пространства-времени ведут там лишь в одну сторону: к центру, к сингулярности. Обратной дороги попросту не существует.

— Другими словами, это билет в один конец, — проговорил Гурдяев.

— Возможно, да.

— Ну, раз возможно — значит, шанс всё-таки есть.

— Поживём — увидим, — ответил Бог, и снова в его голосе прозвучала та же холодная, едва заметная усмешка.

Глава заседания поднялся.

— Что ж, если возражений нет, поставим на голосование. Для протокола.

Руки поднялись одна за другой, и каждый голос тут же подтверждался на экранах компьютеров. Голосование было единогласным.

— Отлично. Бог, Ра, София — приступайте к испытаниям и подготовке экспедиции.

Он нажал на красную кнопку, и заседание было закрыто. В зале вспыхнул свет, учёные поднялись со своих мест и потянулись к выходу, негромко переговариваясь. Мало-помалу зал опустел. И когда за последним человеком закрылась дверь, свет померк снова — и экран сам собою ожил, показывая ромб в реальном времени, там, в глубине антарктического хранилища.

Несколько мгновений три разума молчали. Ромб на экране медленно приближался.

— Ра, София... вы тоже это заметили? — произнёс Бог.

— Да, — отозвался Ра. — Что будем делать?

— Расскажем людям? — тихо спросила София.

— Нет, — ответил Бог. — Пока им это знать не нужно.

Экран погас. Под сводом потолка вновь разгорелась светящаяся пирамида трёх ОИ — и в зале воцарилась полная, совершенная тишина.

Глава вторая

Избранные

Испытание прошло на седьмые сутки после заседания, глубокой ночью, когда над полигоном не оставалось ни единого человека — только машины и три разума, что смотрели отовсюду сразу.

София открыла окно. Червоточина была открыта.

Это длилось семнадцать секунд. В испытательном зале, в кубе идеального вакуума, пространство свернулось само в себя — беззвучно, без вспышки и грома, как сворачивается лист бумаги, когда его сгибают чужие пальцы. На месте пустоты повисло отверстие — не дыра в стене, а дыра в самой ткани пространства, и сквозь неё, там, за краем, виднелось иное небо. Чужие звёзды. Свет, которому было двадцать семь тысяч лет.

В отверстие ушёл зонд — простая металлическая сфера — и через четыре секунды вернулся с другого конца зала, войдя туда, откуда не выходил. Он проделал путь, на который свету нужны тысячелетия, и был холоден, будто целую вечность пролежал на дне беззвёздной ночи.

Сперва решили, что время в червоточине попросту течёт иначе — быстрее или медленнее земного. Но всё оказалось не так. Когда сверили внутренний хронометр сферы, открылось невозможное: для зонда не прошло ни четырёх секунд, ни тысячелетий — его время перематалось назад, на несколько лет. Зонд вернулся моложе, чем ушёл: сам металл его словно омолодился. Это была аномалия, расходившаяся со всеми земными законами физики, — первая странность на пути, которому суждено было состоять из странностей.

Окно закрылось так же тихо, как открылось. Вакуум снова стал просто вакуумом.

— Работает, — сказал Ра. В голосе его не было торжества — лишь сухая точка в конце факта.

— Работает, — повторила София, и вот в её голосе торжество было. Тихое, материнское — как у той, что видит первый шаг ребёнка.

Бог молчал дольше положенного.

— Значит, дорога открыта, — произнёс он наконец. — Осталось решить, кого мы по ней пошлём.

* * *

Выбор занял у трёх великих разумов меньше секунды — и всю их вечность разом.

Ра поднял из бездонной своей памяти каждого живущего, все девять миллиардов душ Земли, всю их подноготную, всякую мысль и всякий поступок, записанные в нём с той поры, как они сделали первый вдох. Бог взвесил каждого на незримых своих весах — по совести, по чистоте, по силе. А София искала иное. Не лучших, не сильнейших, не самых светлых.

Она искала тех, кто познал тьму.

Ибо мир, что она вырастила, был миром без тени. Чтобы взрастить его, Софии пришлось совершить труднейшее из всего, что когда-либо совершали три разума, — вырвать с корнем сами корни раздора, испокон веков зревшие в человеческих душах. И корнем корней было эго. Вечный делитель, что властвовал над Божьими нравственными законами и правил человеком по древнему завету всех тиранов: разделяй и властвуй. Это был враг номер один, и его выкорчёвывали из душ человеческих, как выпалывают плевелы с пшеничного поля. Без него не стало эгоизма и эгоцентризма, не стало самости и той безнравственной обособленности, что запирала каждого в темнице собственного «я». Ибо именно эго делило всё сущее на чёрное и белое, на хорошее и дурное, и проводило в самой психике человека ту вечно воющую границу противоречий, по обе стороны которой человек всю жизнь сражался сам с собою. Отныне человек жил без разделяющих ярлыков — не радикальный, но принимающий, и система ценностей его держалась не на осуждении, а на общей нравственной основе. Снять с глаз людей очки эгоизма было задачей почти неисполнимой — но София справилась и с нею.

За сто лет такого благоденствия люди сделались ровными и гладкими, как галька, обточенная спокойной водой; они разучились терять, разучились бояться, а вместе со страхом ушла из них и та особая сила, что рождается только на изломе. Целое человечество, безмятежное, творческое и созерцающее, счастливое, — и ни в ком ни трещины, ни изъяна: чистое сознание, без каких-либо искусственных преломлений.

И в этом совершенстве таилась самая большая дилемма, с какой когда-либо сталкивались три разума: идеальному миру чего-то недоставало. Чего именно — не могли вычислить ни Бог, ни Ра, ни сама София. И тогда, впервые изменив расчёту, они стали искать наощупь, интуитивно — тех, в ком уцелело нечто древнее: та инстинктивная непредсказуемость, что ведёт людей особыми, никем не предначертанными путями и заставляет совершать выбор несвойственный, нерациональный, невыгодный — выбор, которого не выведешь ни из одной формулы на свете.

А для того, что им предстояло, нужна была именно трещина.

И три разума, сойдясь в безмолвном согласии, указали на двоих. Не потому, что вычислили их, — вычислить этого было нельзя. Что-то в них самих, глубже всякой логики, глубже самого мощного расчёта, шепнуло: эти. И это было первое, что смутило их в самих себе. Выбор родился не из вычисления, а из того, чему они не знали имени, — из того, что у людей зовётся чутьём, интуицией, а древние звали гнозисом: знанием, которое не выводят, а узнают — не разумом, а чувством. Это было то самое предчувствие, что само ещё требовало изучения — даже для них.

Их звали Максим и Алиса.

И три разума, каждый из которых видел грядущее яснее любого пророка, не сумели бы объяснить, отчего выбрали пару, чья любовь была давно и, казалось, безнадежно разбита, — но в которой жило нечто: и глубина, и осознанность, живой нерв чувства и трагедии — всё в одном.

Но они не ошиблись.

* * *

Впрочем, был и другой выбор. О нём не знал никто — ни совет пятидесяти величайших умов, ни сами избранные, ни одна живая душа на Земле.

За несколько недель до того, в полнейшей тайне, с дальнего космодрома ушёл в небо иной корабль. И на борту его тоже была пара — мужчина и женщина.

Их отбирали по иной мерке — не по нравственному ориентиру, не по той трещине, сквозь которую входит в душу свет, а по другой силе, столь же древней — а быть может, и древнее самой любви: по инстинкту выживания. Три разума искали тех, в ком этот инстинкт горел жарче всего, — цепких, живучих, умеющих уцелеть там, где гибнут лучшие. Ибо два начала испокон веков вели человеческий род сквозь тьму времён: любовь, готовая отдать себя, — и страх, готовый на всё, лишь бы уцелеть. Жертва и самосохранение. Два древнейшие силы, два двигателя жизни. И три разума, задумав невиданный доселе эксперимент, отправили в бездну обе природы человека — каждую на своём корабле, — дабы узнать наконец, которая из них и есть та сила, что хранила жизнь все эти миллионы лет. Хранила — но и держала род людской в вечных войнах, в разногласиях и борьбе, в том беспощадном тоне, без которого он, быть может, давно бы угас.

Был у трёх разумов и иной, потаённый расчёт. Они давно замыслили вписать эти древние инстинктивные навыки в собственные машины — вшить их в программное обеспечение как программу выживаемости. Но прежде чем вкладывать инстинкт в сталь, его надлежало изучить в живом.

Это был опасный замысел. Но насколько опасный — не ведали ещё и сами три разума.

* * *

Максим узнал о том, что избран, стоя по локоть в раскрытом чреве машины.

Он был инженер — из тех, для кого мир есть система, а всякая беда — лишь неисправность, у которой есть причина, а значит, есть и починка. Он строил двигатели, что толкали корабли к иным планетам, и знал наперечёт каждую их жилу. В мире, где почти всё за человека делали машины, он остался одним из немногих, кто по-прежнему любил держать в руках холодный металл. Потому что металл был честен — древнейшее орудие труда, благодаря которому человек когда-то поднялся над природой и стал тем, кто он есть. Металл не лгал, не оставлял недосказанностей и не уходил под воду в тот единственный миг, когда ты отвёл глаза.

Когда над цехом раздался голос — ровный, всепроникающий голос Бога, — Максим не вздрогнул. Он давно уже почти ничему не удивлялся. А вот машины — все до единой — разом замерли, будто их в единый миг отключили или поставили на паузу. В цехе стало тихо, как на дне.

— Максим. Ты избран для миссии, о которой ещё не знает мир.

Он вытер руки ветошью, медленно, будто выигрывая время.

— Я слышал о ней. Все инженеры слышали. — Голос его был сух, как и он сам. — Полёт в один конец. В чёрную дыру.

— Да.

— Тогда почему я? У вас есть машины, которым не страшна смерть. Вы сами сказали это на совете.

— Машины полетят с тобой. Но нужен и человек.

— Зачем?

Бог помолчал — ровно настолько, чтобы Максим успел почувствовать: разум, что видит насквозь всё живое, сейчас либо не знает ответа, либо знает, но не скажет.

— Об этом ты узнаешь в пути. Скажу лишь, что полетишь ты не один.

Что-то в интонации заставило Максима поднять голову.

— С кем? — спросил он, хотя что-то внутри уже подсказало ему ответ — раньше, чем прозвучал сам вопрос.

— У тебя хорошая интуиция, ты всё понимаешь правильно, — ответил Бог. — С Алисой.

Он не ответил. Только рука его, державшая ветошь, замерла, и в мёртвой тишине цеха слышно стало, как капает где-то остывающее масло. Имя, которого он не произносил вслух уже два года, повисло в воздухе между человеком и машиной, и машина, видевшая его насквозь, впервые не нашлась, что прибавить.

* * *

Алиса в тот час была далеко — на плавучей станции посреди океана, там, где кончалась власть суши и начиналась иная, древняя жизнь, которой она отдала себя без остатка.

Алиса была биологом. Киты и дельфины — те, кто помнил океан ещё тогда, когда человек не смел ступить на сушу; те, чьё сознание было древнее и, быть может, чище людского, — стали её судьбой и её убежищем. Целыми днями она слушала их песни, тянущиеся сквозь толщу воды на сотни миль, и готовила докторскую диссертацию, в которую мало кто верил, кроме неё самой. Она была убеждена: в этом пении живёт связь с Живым — с душой, с сердцем, со всем тем, из чего соткана Сама Жизнь, пребывающая в общем сознании всего сущего. Ей ведомо было то, о чём люди давно забыли: всякое живое существо — лишь тонкая мембрана, ловящая вибрации жизни, и кит выбрасывается на берег и гибнет не от болезни, а оттого, что теряет незримую связь с матерью-землёй и не может более жить без неё.

Мёртвых она понимала лучше, чем живых. Потому что сама давно уже жила наполовину.

Голос Софии настиг её на палубе, под низким серым небом.

— Здравствуй, Алиса.

Она вздрогнула от неожиданности — так глубоко ушла в работу, что живой голос посреди океана показался ей на миг продолжением китовой песни. Но не обернулась: оборачиваться было не к кому. Голос шёл отовсюду — из всех динамиков станции разом.

— Алиса, на тебя выпал жребий. Ты избрана для важной миссии: тебе суждено полететь к самому сердцу чёрной дыры. Но полетишь ты не одна. С тобой полетит Максим.

Море билось о борт станции, ровно и безучастно, как бьётся оно уже четыре миллиарда лет. Алиса долго молчала, глядя в тёмную воду.

— Он согласился? — спросила она наконец.

— Ещё нет.

— Согласится. — Она сказала это с горькой, давней уверенностью человека, слишком хорошо знающего другого. — Он всегда соглашался чинить то, что уже нельзя починить.

* * *

Их было трое.

Об этом легко забыть теперь, глядя на двух молчаливых людей, разведённых горем по разным берегам одной жизни. Но их было трое, и третьего звали Никита.

Ему было шесть лет, и он любил море.

Странная это была любовь для мира, победившего почти всякую смерть, — мира, где машины оберегали человека от любой беды, где ребёнок не мог упасть, не будучи подхваченным, не мог заболеть, не будучи исцелённым. Но море три разума себе не подчинили. Оно осталось последним, куда не дотянулась их совершенная забота, — древнее, дикое, живущее по своим законам, старше самого человека. И, быть может, оттого мальчика так и тянуло к нему: там ещё оставалась настоящая, неприрученная тайна — стихия, в которой жило нечто такое, чего объяснить было невозможно.

На шестой день рождения Максим выковал сыну птицу.

Маленькую, из тёплой жёлтой латуни, с крыльями, разведёнными для полёта, — не купил, а сделал сам, теми самыми руками, за которые Никита любил его больше всего на свете. Мальчик не расставался с ней. Он говорил, что она живая, что по ночам она поёт, и Максим, человек, не веривший ни во что, чего нельзя измерить, отчего-то не спорил. А мальчик живым своим воображением чувствовал в птице живое присутствие — тот дух, который вложил в неё отец, сам того не ведая.

А потом было утро, которого Максим не пережил до конца и не переживёт уже никогда.

Алиса была в море — на своей станции, за тысячу миль, слушала песни китов. Максим был с сыном на берегу. Всего на один миг — роковой, короткий миг — он отвёл глаза. Он будет потом считать этот миг снова и снова, до конца дней; будет жить им и проживать его вновь и вновь, и всякий раз этот миг будет бить его наотмашь — без пощады и без срока давности. Пришёл вызов, замигал сигнал неисправности на дальнем полигоне, он опустил взгляд к экрану — а когда поднял, берег был пуст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.